

УДК 130.2: 316.61

Ю. Ю. Лёвкина, А. В. Алимбиева

ДИСКУРСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Рассмотрены проблема конструирования идентичности, вопрос об интерпретации природы идентичности. Обращаясь к суждениям идентификации, авторы исследуют дискурсивный характер идентичности. Возможности и границы конструирования идентичности анализируются на примере национальной идентичности.

The article deals with the problem of identity construction and the issues of interpreting the nature of identity. Through examining judgements of identification, the authors study the discursive nature of identity. The possibilities and limits of identity construction are analysed in the case of national identity.

89

Ключевые слова: идентичность, идентификация, конструирование идентичности, национальная идентичность.

Key words: identity, identification, identity construction, national identity.

Двадцать первый век, наряду со множеством других обозначений, можно назвать «веком идентичностей». Проблема идентичности актуальна не только в гуманитарном знании, но также является популярной темой в рассуждениях и дискуссиях, выходящих далеко за границы исследовательской сферы. Мы часто слышим о необходимости формирования, конструирования, размывания, сохранения, продуцирования идентичностей разного типа. Правомерны ли рассуждения такого рода? Действительно ли человек обладает множеством идентичностей, всеми идентичностями сразу, образуют ли они иерархичную систему или все-таки это вопрос контекста и зависит от системы оценок, дискурса.

Здесь мы возвращаемся к дискуссиям представителей двух противоположных подходов к пониманию сущности идентичности: эссенциалистского (или примордиального, атрибутивного, онтологического) и конструктивистского (или инструменталистского, реляционного). Согласно первому, идентичность понимается как свойство личности, набор «объективно присущих психологических черт и установок, структурных характеристик общества и прочих “естественных” параметров, сохраняющих свою неизменность» [8, с. 73]. Второй подход основывается на идее социального конструирования идентичности, а сама идентичность понимается как результат отношения индивидом себя или группы индивидов к той или иной социальной группе. То есть идентичность рассматривается как нечто неустойчивое, изменчивое и конструируемое в зависимости от контекста.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Динамика калининградской идентичности: глобальные контексты и региональная специфика» №15-03-00797.

В отечественных исследованиях сформировалась третья позиция по данному вопросу, предполагающая синтез двух указанных подходов к пониманию идентичности. В структуре идентичности выделяются устойчивые основания (ментальные, ценностные) и изменчивые компоненты. В основе идентичности лежит нечто более-менее устойчивое — ценности, которые не меняются ситуативно, в зависимости от социально-политического и культурного контекста, механизм их формирования гораздо глубже и сложнее.

Различая рассмотренные подходы к осмыслению идентичности, следует также разделять идентичность и идентификацию. В рамках эссенциалистского подхода речь скорее идет об идентичности, в рамках конструктивистского — идентичность и идентификация не разделяются, и первое понимается через второе, а точнее, идентичность всегда является результатом самоидентификации, сторонники третьего подхода разделяют идентичность и идентификацию.

В.Н. Брюшинкин, опираясь на логико-лингвистический и эпистемологический анализ, предложил разделять идентичность и суждения об идентичности [2]. Последние бывают четырех типов: первые два типа суждений идентификации являются суждениями самоидентификации, так как их высказывает субъект относительно себя (например, «Я есть Я» и «Я — калининградец»), а два последние — идентификации, так как высказывается один субъект относительно принадлежности другого субъекта или группы субъектов к той или иной общности (например, «Иванов — русский» и «Немцы — европейцы»). Суждения идентификации нередко случайны, ситуативны, изменчивы и не дают достаточного материала для исследования идентичности. Под идентичностью В.Н. Брюшинкин понимает принадлежность субъекта к той или иной социальной общности или группе. В этом смысле может сосуществовать множество разных идентичностей, что отражает сложную структуру общества.

Под влиянием глобализации происходит новая дифференциация общества, что приводит к трансформациям идентичностей и их плюрализации. Н.Н. Федотова отмечает, что, говоря о множестве идентичностей, мы скорее имеем в виду «структурное разнообразие типов идентичности, которые интегрируются до определенной целостности» [8, с. 75]. В качестве примера можно привести анализ генезиса этнокультурной идентичности, сравнительно новым структурным уровнем которой является национальная идентичность [5].

Суждения идентификации активизируются в результате контакта с «другим» или «чужим». В этом часто проявляется сама идентичность, то есть на фоне «другого» и «чужого» рефлексивируется «свое». П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что вопрос «Кто я такой?» становится возможным, когда доступны два противоположных ответа [1, с. 78]. Однако в связи с тем, что суждения идентификации зависят от контекста, возможна подмена «своего» «другим». Когда «другое» выступает привлекательным, желаемым, тогда суждения идентификации будут основны-

ваться не на собственных ценностных установках, а на желаемом или приятном, то есть зависят от образа «другого» и от дискурса. В этом случае невозможно установить чью-либо идентичность (в том числе и свою). При этом возникает вопрос: можно ли сконструировать идентичность?

Конструирование — производство, воспроизводство и изменение (преобразование) социальных институтов и процессов. Сторонники радикального социального конструктивизма считают, что в социальной сфере нет и не может быть чего-то неизменного, устойчивость и объективный статус социальных феноменов иллюзорны.

П. Бергер и Т. Лукман рассматривают идентичность как ключевой элемент субъективной реальности. Она формируется социальными процессами, является результатом социализации. «Под “успешной социализацией” нами подразумевается установление высокого уровня симметрии между объективной и субъективной реальностями (а равно и идентичности)» [1, с. 77]. В случае же если процесс социализации был нарушен, индивид оказывается в «чуждой» себе среде, становится маргиналом. Авторы связывают трудности социализации со сложностями распределения знания в обществе. Знание предполагает возможность выбора между конкурирующими «дефинициями реальности». В результате всех этих процессов могут возникнуть идентичности двух типов: «социально-предписанные» (то есть возникающие в результате принятия на себя социальных ролей или соотнесения с социальными группами по заданной, сформулированной извне схеме, декларируемым признакам и т. д.) и «субъективно-реальные» (наиболее устойчивые, сформировавшиеся в результате успешной социализации и инкультурации, в основе которых лежат ценностные установки личности).

В данном случае социально-предписанная идентичность является сконструированной, но оба типа можно назвать дискурсивными, а производство дискурса в свою очередь контролируется. «В любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности», — пишет М. Фуко [10, с. 51].

Французский мыслитель выделяет три группы процедур, позволяющих контролировать дискурсы: первые ограничивают его полномочия, вторые ограничивают его случайные проявления, третьи производят отбор «говорящих» субъектов. У М. Фуко возникает еще одно понятие, как раз и характеризующее принадлежность субъектов к определенной группе посредством общего дискурса, — доктрина. «Доктрина связывает индивидов с некоторыми вполне определенными типами высказываний и тем самым накладывает запрет на все остальные; но, с другой стороны, она пользуется некоторыми типами высказываний, чтобы связывать индивидов между собой и тем самым отличать их от всех

остальных. Доктрина совершает двойное подчинение: говорящих субъектов — определенным дискурсам и дискурсов — определенной группе, по крайней мере виртуальной, говорящих индивидов» [10, с. 74].

Рассматривая идентичность как дискурс, мы не отрицаем существование в сфере идентичности чего-то устойчивого (будь то субъективно-реальная идентичность либо ментальный уровень идентичности), а имеем в виду то, что суждения идентификации не могут реализовываться вне дискурса, то есть происходит категоризация и интерпретация опыта и событий в соответствии со структурами, находящимися в нашем распоряжении. Конструирование идентичности движется в границах конкретного дискурса. Дискурс предстает «как смысловое поле, как нечто, что предвосхищает любую действительную непосредственность, как область, где образуются смыслы и значения» [6].

Выше мы уже отмечали, что можно говорить о конструировании идентичности как социально-предписанной (если только не придерживаться эссенциалистских взглядов на сущность идентичности). Но каковы границы и возможности этого конструирования?

Определенные типы идентичности в большей степени являются дискурсивными и конструируемыми. Так, например, национальная идентичность опирается на отношение «государство — нация — индивид» и означает принадлежность субъекта конкретному дискурсу «нация». Пространство этого дискурса внутри государства часто не определено или конструируется через антагонизм, как противопоставление «чужому». Но тут же возникает новый вопрос: кто этот «чужой» и как здесь избежать подмены «своего» «другим»? Поэтому возникают как разные характеристики сущности национальной идентичности, так и разные образы национальной идентичности одной и той же нации.

Так, К. С. Гаджиев в качестве основных компонентов национальной идентичности называет национальное самосознание, национальный характер, историческую память, культурные ценности, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения и др. [3]. Важную роль в структуре национальной идентичности также играют представления о месте и роли страны в мировых геополитических процессах, ее национальных интересах и т.п. А. В. Костина отмечает, что «национальная идентичность есть явление культурно и исторически опосредованное, изменчивое, получающее специфическое содержательное наполнение в конкретном культурном, социальном, политическом, цивилизационном контексте» [4, с. 168]. Но национальная идентичность, являясь новым структурным уровнем этнокультурной идентичности, сохраняет ее основания. То есть не следует сводить национальную идентичность исключительно к государственной основе, а иметь в виду еще и ее полиэтничную сущность [5].

Дискурс национальной идентичности может складываться либо как гражданский, воплощающий преданность государству, либо как этнокультурный (формируется вокруг общности происхождения, языка, религии, культурных традиций).

Национальная идентичность в значительной степени является идентичностью социально-предписанного типа. Как минимум, власть обладает возможностью влияния на социальные институты формирования идентичности: образование, СМИ, система связи и т.п. Чаще государство выступает «конструктором», определяет значимые признаки конкретной национальной идентичности, выстраивая соответствующий дискурс.

Таким образом, национальная идентичность зависит от конкретного культурно-исторического контекста и, как отмечает И. В. Малыгина, одновременно оказывается менее устойчивой в кризисной ситуации, разрушается раньше других идентичностей. Значимым также является то, что модель, или образ, социально-предписанной национальной идентичности может меняться в соответствии с интересами и целями власти. В связи с этим возникает риск расхождения и даже противоречия гражданского и этнокультурного аспектов национальной идентичности, или ее социально-предписанной и субъективно-реальной составляющих. Можно ли избежать этих рисков и при этом сконструировать национальную идентичность?

Здесь мы снова возвращаемся к тезису о двух составляющих любой идентичности: устойчивой и изменчивой. Принадлежность субъекта к той или иной нации предполагает этнокультурную укорененность, о чем было сказано выше. Таким образом, дискурс национальной идентичности предполагает и достаточно глубинные основания существования субъекта, ментальность, ценностные ориентации, особенности текста культуры в процессе инкультурации и социальной системы в процессе социализации.

На процесс национальной самоидентификации существенное влияние оказывают географическое положение, социокультурная ситуация, этническая принадлежность и этнокультурные контакты, профессиональный, политический, символический и другие аспекты. Национальная идентификация актуализируется и во многом определяется в процессе столкновения с «другой» нацией, культурой, «другим» способом мышления. На фоне «другого» приходит осознание «своего».

В качестве ярчайшего примера влияния границы и контактов с «другими» на национальную самоидентификацию (а также на трансформацию идентичности) можно привести Калининградскую область, жители которой непрерывно сталкиваются с «другими» в двух измерениях: диахроническом и синхроническом. С одной стороны, она является трансграничным регионом, отделенным от основной территории Российской Федерации другими государствами (эксклав), что предполагает непрерывные контакты жителей региона с носителями других культур, представителями других наций. Данное обстоятельство сначала обостряет ощущение собственной российской идентичности, а затем постепенно проявляются тенденции трансформации национальной идентичности (феномен «третьего поколения»), приобретения специфических региональных черт. Даже в повседневном общении неосознанно проявляется «оторванность» от России (например, в ходу выражение «съездить в Россию»). С другой стороны, неотъемлемой чер-

той культурного контекста современной жизни Калининградского региона является восточно-прусское наследие, проявляющее себя как на уровне артефактов, так и символически, что оказывает влияние на восприятие образа региона в пространстве российского социума.

В последние годы в связи с определенными геополитическими процессами тенденция к конструированию национальной идентичности в стране заметно усилилась. При этом предлагаются различные совокупности идентификационных признаков, критерии отбора которых не всегда понятны и которые сложно объединить в единую модель. Продвижение предлагаемых конструктов и соответствующих им дискурсов ведется по различным каналам, прежде всего через масс-медиа и систему образования. В «проблемную», «оторванную» Калининградскую область дискурс национальной идентичности засылается со специальным десантом.

Примечательны в этом отношении проведение в Калининграде Всемирного русского собора в марте 2015 г. или выступление на проходившем в регионе Всероссийском молодежном форуме «Балтартек» директора ВЦИОМ В. Федорова, предложившего собственную (однако отражающую основные современные тренды внутренней и внешней политики российского государства) модель российской идентичности. Она включает в себя следующие характеристики: «Россия — самая большая страна в мире и ни одной пяди своей территории не отдаст»; «мы не такие как другие, у нас свой путь, но мы вправе заимствовать лучший опыт»; «мы представители разных национальностей, но это неплохо, во главе нашего единства — русский язык и русская культура»; «мы люди широких взглядов, но главное для нас — семья и традиционный уклад» и «мы черпаем уверенность в своей силе из истории России, а это, в первую очередь, Великая Победа и Космос» [7].

Вопреки заметному давлению на жителей региона в этой сфере ожидаемого усиления национальной (русской) идентичности не происходит. В то же время наблюдается укрепление локально-региональной идентичности — об этом свидетельствуют проведенные нами в разные годы социологические опросы жителей региона².

Так, например, доля жителей региона, которые, отвечая на вопрос о «мы-группах», выбирают вариант «россияне», снизилась за несколько лет в полтора раза — с 94,4 % в 2008 г. до 62 % в 2015 г. Та же тенденция наблюдается, когда ставится вопрос об идентификации жителей области с географическими группами: по сравнению с 2008 г. доля тех, кто идентифицирует себя с жителями России, россиянами, снизилась в 1,3 раза. При этом возрос (в полтора раза) уровень идентификации с локальными общностями (жители своего города, села). Суммарно же региональная (с жителями Калининградской области) и локальная идентификации заметно опережают национальную («я россиянин») (рис.).

² Опросы проводились по стратифицированной вероятностной выборке взрослого населения Калининградской области в 2008 (1461 человек) и 2015 г. (801 человек). Выборки репрезентативны по полу и возрасту, ошибки выборки составили соответственно 3,3 и 4,2 % (при уровне вероятности 0,997).

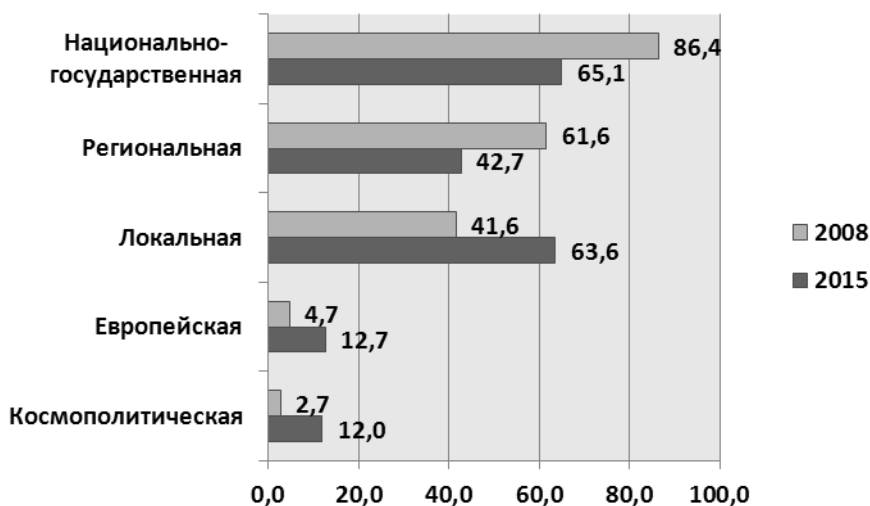

Рис. Идентификация жителей Калининградской области с географическими группами (по данным социологических опросов 2008 и 2015 гг.), %

По-видимому, чрезмерно активное давление определенного, жесткого дискурса идентичности может обернуться противоположными эффектами.

Означает ли это невозможность целенаправленного конструирования национальной идентичности? Н.Н. Федотова предлагает концепт проективной идентичности, который состоит в том, что «социальные акторы строят новую идентичность с учетом имеющихся в обществе культурных традиций, одновременно пытаясь преобразовать в рамках их ограничивающей роли всю социальную структуру и нередко свое социальное положение» [9, с. 25]. Эта стратегия предполагает и изменение национальной идентичности в соответствии с современными реалиями при сохранении ее базовых характеристик.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Брюшинкин В.Н. Особенности исследования идентичности // Ценности и смыслы. 2010. №5. С. 84 – 93.
3. Гаджиев К.С. Национальная идентичность // Вопросы философии. 2011. №10. С. 3 – 16.
4. Костина А.В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С. 167 – 175.
5. Малыгина И.В. В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности. М., 2005.

6. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муфф) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 2 (22). С. 60–67.

7. Руководитель ВЦИОМ рассказал балтартековцам о российской идентичности // Агентство по делам молодежи Калининградской области : [сайт]. URL: <http://www.molod39.ru/news/rukovoditel-vciom-rasskazal-baltartekovcam-o-rossiyskoy-identichnosti> (дата обращения: 12.10.2015).

8. Федотова Н. Н. Глобализация и изучение идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 72–80.

9. Федотова Н. Н. Проективные функции идентичности в китайской модернизации сегодня // Вопросы философии. 2012. №6. С. 23–27.

10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

Об авторах

Анна Викторовна Алимпиева — канд. соц. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: anna_alimpieva@mail.ru

Юлия Юрьевна Лёвкина — ст. преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: juliajumazur@gmail.com

About the authors

Dr Anna Alimpieva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: anna_alimpieva@mail.ru

Yulia Levkina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: juliajumazur@gmail.com